

Павел КУЛИКОВ
г. Петрозаводск

НАЯДА

рассказ

Дмитрий Иванович судорожно хлопал руками по карманам своего застасканного пальто, беспомощно и сутоло висевшего в прихожей. Его начало уже порядком раздражать то, что он не мог найти сигареты — вышедшая из-за угла и со всей своей неизбежной убедительностью ставшая над ним забывчивость начинала мешать его привычке бухгалтера всегда знать, что где лежит, на каком расстоянии друг от друга.

Неслыханный факт беспомощности заставил сердце Дмитрия Ивановича глухо сжаться, а потом громко и протяжно ударить. Стало трудно дышать. Он замер, прижав одну руку к груди, другой опершись о низкий стол трюмо, затем поднял глаза и посмотрел в зеркало, где увидел испуганное и растерянное лицо старика, который не может найти сигареты в собственном пальто. На мгновение будто стемнело, звуки гулко удалились.

— Митя, что случилось?

Дмитрий Иванович с трудом обернулся: за мутным стеклом кухонной двери пестро мелькнул халат Раисы Петровны, его жены.

— Всё в порядке, — сухо ответил Дмитрий Иванович, с досадой схватил злосчастную пачку, оказавшуюся на трюмо, и пошёл в кабинет. Приступ отпустил.

Кабинет Дмитрия Ивановича с бесконечными книжными шкафами, секретерами и комодами пребывал в полумраке из-за развешанной за высокими окнами плотной зеленой сетки, скрывавшей от улицы деревянные леса ремонтников, — фасад реставрировали. Дмитрий Иванович сел за необъятный письменный стол, достал из ящика пепельницу, закурил. В сизых клубах табачного дыма он сидел некоторое время не шевелясь, о чём-то напряжённо думая.

Космогоническая схема: игла в яйце, яйцо в утке, утка в зайце, заяц в ларце, ларец на дубе, дуб на море-океане, на острове Буяне. Остров Буян... Где же он был? И есть ли сейчас? Эти острова такая ненадежная штука со всеми этими стихийны-

ми бедствиями. Там, окутанный тяжёлыми цепями, должен храниться этот сундук с жизнью и смертью на дне...

Потом поднялся, затушил папиросу и направился к одному из шкафов, занавешенные стеклянные дверцы которого были закрыты на ключ. Он отпер шкаф, потянулся к верхней полке и достал оттуда большую деревянную шкатулку, напоминавшую средневековое касоне — саркофаг, хранивший тайну его жизни.

Дмитрий Иванович поставил шкатулку на стол, вставил ключ в скважину — с пружинистым щелчком замок открылся — почти сакрально поднял крышку... Он развернул желтый по сгибам листок — письмо, которое было ему и любимо, и ненавистно одновременно. Любимая рука написала слова, которые без ножа остро ударили в самое сердце. Тогда ему казалось, что жизнь остановилась, а она на самом деле просто замерла на мгновение...

Дмитрий Иванович крепко зажмурил глаза, и перед ним — как в детстве — замелькал калейдоскоп ярких рисунков, шаманским танцем побежавших от взора, превратившихся в бесконечное голубое пространство, остро и ярко трепетавшее. Они уносили в глубины сознания, в те далекие светлые дни, часы, минуты и мгновения, которые стали для него не тем ли запасом счастья, который отмерен человеку?

Была ли она красива? Наверное, да, ведь образ её сводился теперь к полуслову, завитку чёрных волос, глубине глаз и чему-то такому острому... Но она определённо была старше. В том возрасте, когда женщина достигает наивысшей точки своей привлекательности, когда она ещё очень молода, но уже и достаточно мудра, что делает ее миловидность красотой. И была она художницей. И как любил он наблюдать, лёжа в душистых горных травах, как она писала этюды, стоя перед распрявившимся мольбертом, а лёгкий ветер шевелил пену её белой ситцевой юбки, стаскивал на затылок соломенную шляпу, трепал распущенные волосы. Он любил каждую чёрточку её далёкого теперь лица — было ли оно сосредоточенным в минуты творческого процесса; или являло идеальный правильный профиль с прикрытыми глазами, когда они лежали под солнцем на маленьком пляже дикого залив-

чика; или смеялось, загораясь ясным светом веселых складочек и лёгких ямочек на щеках.

В то лето, после окончания первого курса, Митя впервые отправился один на Кавказ, к бабушке, жившей у самого моря, на окраине одного из курортных городов.

На вокзале было душно, как бывает душно только в городе. Мама со слезами махала рукой, отец держал её за талию — так они удалялись, становясь всё меньше, потом Митя видел, как они повернулись и пошли по перрону в другую сторону, исчезли в толпе, а поезд повернул влево. Было предвкушение свободы и встречи со старыми друзьями.

Привычный среднерусский пейзаж с широкими пшеничными полями и чистыми, насквозь видными по стволам лесами, утром сменился дымными пустыми степями и полями уже подсолнечника, контрастным ковром смотревшими с одной стороны поезда и мутно зеленоватыми — с другой. Совсем скоро поезд начали проглатывать и вновь выплёвывать на свет темные тоннели предгорья — и вот затуманились впереди холодные вершины Кавказа, а вскоре стало мерцать колючее полуденное, придвинувшееся море...

И было всё как положено: и вечер, и небо молочно-розовое в кучевых облаках, и зелено-голубое марево моря. И он плавал в утренней прохладе моря, лежа на его поверхности лицом вверх, глядя в прояснявшуюся от предутренней пелены глубину неба, на отвесный, густо поросший деревьями и кустарниками берег, на белые стены зданий, разбросанных вдоль пляжной полосы, слепящих глаз, на вершины гор, нависших над бухтой. Редкие звуки, доносившиеся с берега, и крики чаек, сутившихся недалеко вокруг рыболовных судов, вернувшихся с ночного лова, проходя через воду, превращались в единый ломаный и булькающий гул.

И вот она, свежим облаком, бледно-зеленым в полоску ветерком, райской птицей слетев к воде с прохладных сизых гор, сбросив оперение, бесстыдно мелькнула обнажённой спиной и, обратившись русалкой, с глухим всплеском ушла под воду, поплыла прочь от берега.

Они познакомились легко: на второй день он попытался проследить за ней, а она, заметив это, подстерегла его за раскалённым белым солнцем глиняным углом узкой улочки, а потом, когда он повернулся, ища её в четырёх сторонах тесного перекрёстка, с лукавой улыбкой встретила его растерянный взгляд.

Ночи. За окном трещал неизменный сверчок, и комната была душно наполнена пряными запахами нагретой земли юга, и размеренное дыхание моря время от времени проникало в неё, шелестя, набегая, удаляясь, шевеля кисею на окне. Ш-шш-шш... Она лежала рядом, он не мог спать и видел, как первый луч солнца, пробиваясь в щель между приоткрытыми полосатыми створками, лёг на потолок, скатился по штукатурке стены, тонкой полоской осветил её лицо на приподнятой подушке, отчего дрогнули её ресницы, а за ними и тень их на верхнем бархатистом веке. Незнакомое чувство отрадного, но в то же время какого-то щемящего спокойствия тогда овладело Митей, не давало шевелиться, думать, спать — было просто томительно хорошо...

Все дни они проводили вместе: вдоль русла реки, беспомощным мутным ручейком плескавшейся в гладкой круглой гальке, они шли по ущелью к стекавшим по вымытому камню склонов таким же жалким водопадам, где по влажным глинистым тропинкам поднимались среди смыкавшихся над головами тонкостволых деревьев в горы... или гуляли по обширным городским паркам под сенью коварных магнолий, солидных тёплых каштанов, кипарисов, печально наклонивших свои вершины в одну сторону...

К вечеру спускались по бесчисленным глиняным ступенькам, чуть не наступая на обезумевших от жары ящериц, к берегу, откуда уже слышались звуки музыки и море своей прохладой заката оттеняло загар контрастно-светлыми нарядами, ободряло расплавленные за день тела, освежало головы.

Ночи проводили в её небольшой мастерской, расположенной над городом...

Так продолжалось почти месяц... Оба старались не говорить о приближавшей разлуке, да и не особо об этом задумывались. Лишь иногда, в те минуты, когда её не было рядом,

Митя вдруг погружался в размышления, мечтая о том, как должна сложиться жизнь, но, наткнувшись на события столь близкого будущего, гнал от себя эти мысли...

Он помнил её вдруг ставшее слишком серьёзным лицо, умоляющий взгляд белеющих на ровном загаре глаз, когда накануне его отъезда сидели за тонконогим столиком пляжного кафе. По пляжу волнами разносилась лёгкая джазовая мелодия, которая, смешиваясь с дыханием моря, заглушала звенящее молчание...

Когда Митя вернулся домой, любовь перешла на бумагу... Каждую неделю он опускал письмо в синий ящик с надписью «Почта». Митя знал, что в назначенный час подъедет синий фургон с той же надписью, из него выйдет почтальон и подставит под ящик волшебный мешок, куда с шелестом провалится груда посланий, среди которых его — самое важное. А на том конце света любимая рука без усталости наполняла страстью и томленьем бумажные ответы, и такой же фокусник-почтальон подставлял под синий ящик серый мешок, перетасовывал шелестящее его содержимое, подставлял каким-то неизвестным рукам, которые вынимали и раскидывали послания по сумкам, разносили их во все концы Ленинграда, раскидывали их по разноцветным жестяным — с цифрами — коробочкам. Бумажные голуби несли послания через тысячи километров, соединяя холодеющий каменный север с разогретой землей юга.

Митя читал её послания в шумящем, моргающем вагоне метро, когда ехал утром на учёбу. Он открывал конверт, и благоухания её слов выливались оттуда, заполняя душный вагон смыслом, ясным лишь двоим... И как хотелось ему самому залезть в одно из своих писем и пролететь по неизвестным воздушным коридорам голубиной почты, оказаться у сверкающего моря, в её объятиях. Он не слышал и не видел всего, что его окружало, а лишь странно улыбался, заставляя пассажиров недовольно отворачиваться от его случайно брошенного блаженного взгляда...

По ночам он часами сидел на широком подоконнике, глядя в треугольник неба между силуэтами домов во дворе, всё темневшего и темневшего. На занятиях в институте писал,

писал, писал письма, с тем чтобы, идя домой, бросить драгоценное послание в синий ящик.

Так прошёл август с первыми мерцающими звёздами, прошелестел огненно-жёлтым вихрем сентябрь, оголившиеся ветви деревьев потемневшими сучьями просквозили прозрачную лазурь октября.

В начале зимы Митя получил от неё последнее письмо. Он собирался в институт. Пробираясь по сумрачной лестнице, открыл почтовый ящик и, с трудом прочтя во мраке адрес отправителя на плотном бумажном прямоугольнике, убрал его в карман и поспешил на улицу. В трясущемся сумрачном трамвае он надорвал краешек конверта и достал сложенный лист...

Он шёл по светлевшей улице. Подступивший полярный круг гонял по мостовым зёрна острого, ещё совсем сухого снега, норовившего проникнуть под пальто и за воротник. Прошу тебя больше не писать мне... Он машинально спустился в метро, потом оказался в институте. Прошу, не спрашивай почему... Отсидел положенные часы за деревянными столами. Но мы не должны больше видеться... Как вернулся домой, Митя не помнил. Прощай...

Он терзал письмо, хотел было разорвать его, но смог только смять, а потом судорожно расправлял ладонью...

Назло своему горю Митя женился следующей весной на однокурснице Раисе... А то далёкое лето пролетело райскими птицами, пах-

нуло заморскими запахами, звуками гулкими отозвалось и стекло пенной волной, ударив и протащив по прибрежной гальке... И потянулась, пошла, а потом понеслась, но ровно, не заноса на поворотах, в приближавшуюся даль — она, его единственная, не ему интересная... жизнь? А письмо вместе с болью кочевало из пиджака в стол, из стола — в книгу, теряя свою магнетическую силу, пока, наконец, не нашло покой на верхней полке книжного шкафа...

Дмитрий Иванович вздрогнул, когда со строительных лесов что-то сорвалось и, пролетая мимо окна, сорвало кусок зеленой сетки, и яркий свет хлынул косым столбом в накуренную комнату... В это же время щёлкнула входная дверь и послышались весёлые голоса — взрослые и детские. Внуков привели. Ну правильно — сегодня же воскресенье. Дмитрий Иванович потёр лицо, глубоко вздохнул и, будто собирая все силы, бодро поднялся, захлопнул крышку кассоне и вышел из кабинета, закрыв за собой дверь. А в светящихся клубках сизого дыма плескалась бессмертная, потерявшая материю морская наядя, воскресшая на минуту после многих лет тяжёлого покоя на дне сумрачного саркофага. Она устремилась в светлый коридор внезапного света, истончилась и исчезла, блеснув солнечным зайчиком на далекой закрытой форточке.

□

Павел КУЛИКОВ

учится в Петрозаводском государственном университете.

Во время учебы на втором курсе начал писать рецензии

и статьи в университетскую газету.

Тогда и почувствовал вкус к литературному труду.

Первый свой рассказ «Ведьма» создал около года назад,

а второй — «Наяда» — позволил автору

стать лауреатом литературного конкурса

«Северная звезда».

